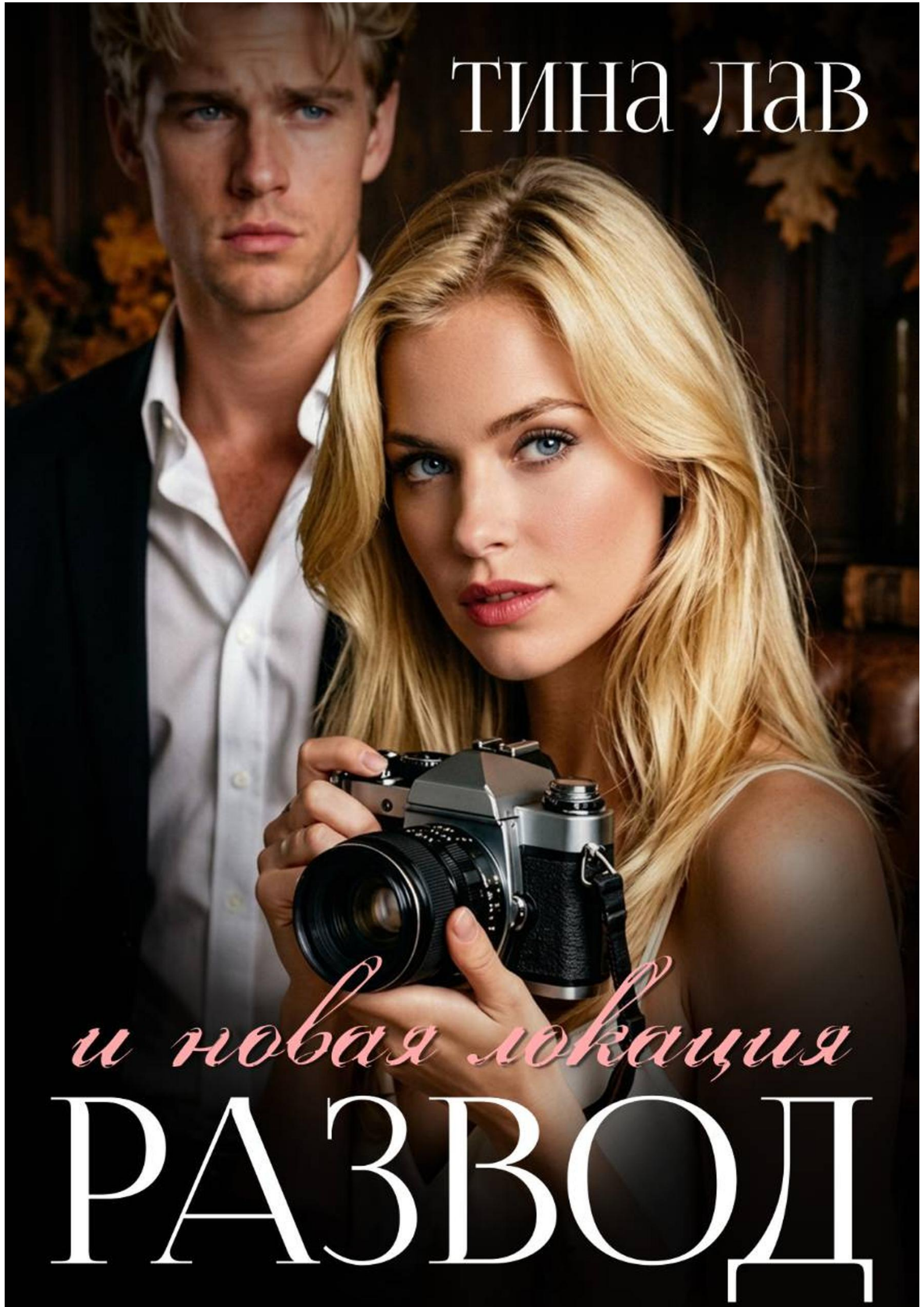

Тина Лав
и новая локация
РАЗВОД

Развод - начало новой жизни

Тина Лав

Развод и новая локация

«Автор»
2026

Лав Т.

Развод и новая локация / Т. Лав — «Автор», 2026 — (Развод - начало новой жизни)

Что может быть хуже предательства от мужа? Только двойное предательство - от мужа и от собственной семьи.Как начать новую жизнь, когда против тебя весь мир? Остается только поменять локацию...

© Лав Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Депозит предательства 5
Глава 2. Списание безвозвратных потерь 10
Глава 3. Конфликт интересов 14
Глава 4. Реструктуризация жизни 18
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Развод и новая локация

Глава 1. Депозит предательства

Лифт в подъезде родителей работал через раз, поэтому я поднималась пешком. Второй этаж – не высота, но к вечеру ноги все равно гудели. После трех смен в банке, где лица клиентов сливаются в одну бесконечную очередь, хотелось тишины. Но тишины в родительском доме не бывает никогда. Там всегда что-то происходит: телевизор работает фоном, мама хлопочет на кухне, отец спорит с диктором новостей.

Я поправила сумку с подарком и позвонила. За дверью сразу зашуршали тапочки.

– Уже иду, иду! – крикнула из-за двери мама.

Дверь распахнулась. Мама выглядела празднично: волосы уложены, на шее цепочка, которую я дарила ей на прошлый юбилей. Она обняла меня. Пахло духами и чем-то съедобным – котлетами и ванилью.

– Альбина, наконец-то! – воскликнула она радостно и отстранилась, оглядела меня с головы до ног. – Одна? Вадим не смог?

– У него срочная сделка, – ответила я, снимая пальто. – Обещал поздно быть. Передал извинения и поздравления. Мамуль, я такая голодная, что поем за нас двоих.

Я засмеялась собственной шутке, но потом поняла, что не пошутила. На работе я так замоталась, что совершенно забыла про обед, а вспомнила только сейчас.

– Да хоть за троих, – засмеялась мама в ответ. – Ты же знаешь, что от нас голодными еще никто не уходил.

В гостиной было светло и уютно. Мне нравилось здесь чувство постоянства. Стены, помнящие мое детство, шкафы, в которых ничего не менялось годами. Это успокаивало. Здесь я не была менеджером по кредитам, здесь я была просто дочерью. Хорошей дочерью. Той, которая приезжает вовремя, привозит продукты и не забывает поздравить.

Отец сидел в своем любимом кресле у окна, Полина стояла у стола, поправляя салфетки. Она обернулась на мой вход, и я заметила, как она чуть напряглась. Потом улыбнулась.

– Привет, – сказала я, проходя к ней. – С днем рождения.

Вручила пакет с подарками.

– А что там? - полюбопытствовала сестра? - Что за набор? А, этот тот, который мне у тебя понравился? О, и сертификат! Как вовремя, Аль. У меня как раз духи закончились. Спасибо!

Я села на свое привычное место. Стол был накрыт по-семейному: оливье, селедка под шубой, нарезка, соленья. Никаких изысков, но все свежее, домашнее. Графин с компотом запотел, рядом стояла бутылка вина.

Что ж, подарок пришелся по душе, значит, я не испортила праздничный вечер. Это хорошо.

– Ну что, за именинницу? – отец поднял рюмку. Он был в рубашке, галстук снят, выглядел довольным.

– Подожди, отец, – мама хлопотала вокруг стола, подкладывая мне кусок курицы. – Тебе лишь бы поскорее к тостам перейти.

– Так повод-то какой! - хохотнул отец. - Такие события не каждый день случаются!

Я слегка приподняла брови, но не стала ничего говорить. День рождения и правда не каждый день случается, но когда я в прошлый свой праздник собрала всех в ресторане, никто так не радовался. Впрочем, родители тогда были недовольны тем, что им пришлось собираться и наряжаться в “приличное место”.

Так всегда, сколько не выворачивайся мясом наружу, останешься еще и виновата. Впрочем, с этим давно пора было смириться. Я уже взрослая и глупо ревновать родителей к сестре.

Если Полинкины двадцать восемь лет это действительно серьезный повод для них - пусть так.

Я налила себе компот и хотела поставить на место, но Полина перехватила графин и наполнила свой бокал.

– Ну, за Полину, – сказал отец. – Чтобы все было хорошо.

– За Полечку! - подхватила мама.

– С днем рождения, сестренка, - улыбнулась я.

– Как работа? – спросил отец, накладывая себе салат. – В банке все спокойно?

– Как всегда, – ответила я. – Конец квартала, отчеты. Но держусь.

– Держись, – кивнул отец. – Работа надежная. Повезло тебе, конечно, такую работу найти. Вон, Полька мается, никак не устроится.

– Ты бы хоть с начальством поговорила, замолвила словечко, - перебила мама. - Может, есть у вас там нормальная должность?

– Мам, не начинай, - скривилась Полина, отламывая вилкой котлету. - Я же говорила, что не смогу сидеть на одном месте целый день. У меня задница квадратной станет.

– Поля, тебе сейчас надо устроиться на официальную работу с белой зарплатой, - чуть повысила голос мама. - Ты же прекрасно понимаешь! Ну, потерпишь немного, зато выплаты будешь получать.

– Выплаты? - насторожилась я.

Официальная работа… Компот, вместо вина… Странные глуповато-счастливые лица родителей…

– У нас же радость, Алечка, – сказала мама. – Полинка, давай сама!

Полина глубоко вздохнула. Положила вилку. Руки ее слегка дрожали, но не от страха, а от какого-то легкого смущения.

– Я беременна, – объявила сестра.

На секунду в комнате повисла тишина, а мое сердце вздрогнуло. Беременна. Полинка. Моя младшая сестра.

– У нас скоро будет внучек, – сказал отец. – Будет кем гордиться.

Я смотрела на них. На радостную маму, на довольного отца, на сияющую Полину. Внутри у меня что-то екнуло. Не зависть. Не злость. Просто тихая, ноющая боль. Где-то под ребрами.

Мы пытались два года. Два года тестов, врачей, графиков. Вадим говорил, что проблема во мне. «Ты слишком напряжена, Альбина. Расслабься». Я расслаблялась. Я пила таблетки. Я ездила на море. А потом перестала ездить, потому что нужно было работать.

Но сейчас не время для этого. Сейчас день рождения. Сейчас моя сестра просто радуется тому, что скоро станет мамой.

– Поздравляю, – сказала я с улыбкой. – Полинка, это чудесно. Я так за тебя рада.

– Спасибо, Аля, – тихо ответила она и опустила глаза. – Я знала, что ты поймешь.

– Ну вот, – мама вытерла глаза салфеткой. – Радость-то какая. Теперь у нас будет внук. Или внучка. Не важно. Главное, что будет.

Она посмотрела на меня. Взгляд был теплым, но в нем читалось то самое сравнение. «Вот Полина смогла. А ты?» Она не сказала этого вслух. Но это висело в воздухе, смешиваясь с запахом еды.

– Мы с папой так ждали, – продолжила мама, наливая себе вина. – Думали, уже не дождемся. Возраст ведь не молодой. Альбина, ты же понимаешь.

– Понимаю, мам, – я взяла вилку. Аппетита не было, но я положила себе кусок курицы. Нужно было есть. Нужно было показывать, что все нормально. – Мы тоже стараемся.

– Старайтесь лучше, – отец подмигнул. – Время идет. Тебе тридцать два года. Это не шутки.

– Пап, – нахмурилась Полинка. – Не дави на нее.

– Я не давлю, я желаю добра, – отец развел руками. – Хочу внуков нянчить. Пока силы есть. Вот ты - молодец, не тянула. Только на работу теперь надо устроиться.

– Иди в банк к Альбине, - настойчиво повторила мама. - Что ты, как маленькая, упираешься. Поработаешь месяцок, потом к врачу сходишь и на больничный попросишься. На легкий труд перейдешь - по закону права не имеют уволить! Главное - устроиться. А там до тридцатой недели дотянешь, в декрет уйдешь и будешь получать декретные. И стаж идти будет для пенсии!

– Ладно, - поджала губы Полинка с таким видом, словно делала одолжение маме лично. - Аль, узнай, есть ли нормальная должность. Все-таки, у меня высшее образование. Всякие “принеси-подай” не надо. Вот что-то типа твоей - нормально.

– Поль, я узнаю, - осторожно ответила я. - Но ты же понимаешь, что никто тебе сразу хорошую должность не предложит? Я отработала три года простым менеджером, прежде чем стала главным.

– Но у Полечки же высшее образование, - напомнила мама.

– Так у меня - тоже, - ответила я. - Кого этим сейчас удивишь? Сейчас практический опыт важнее, чем бумажки.

– Так ты поговори, с кем следует. Заодно и поможешь сестре влиться в коллектив. Вы же самые близкие люди - родная кровь. Надо помогать друг другу! Нас не станет, к кому пойдете?

– Мать, не начинай, - остановил отец. - Что ты нас хоронишь, раньше времени? Дай внуков понянчить!

– Да я что? Я ничего! - быстро ответила мама и сменила тему. - Дети - это счастье! Самое главное достижение женщины - родить здоровых детей, продолжить род!

Это звучало, как упрек. Но верить в это не хотелось. Мама, моя мамочка не могла так… Она просто от радости сама не своя, вот и не думает, что говорит. Она не хотела меня задеть.

Я решила переключить внимание на Полю.

– А кто отец? – спросила я. - Я вообще не знала, что ты с кем-то встречаешься.

Полина замерла. Мама перестала жевать.

– Это пока секрет, – сказала Полина. – У нас… сложно все.

– Что тут сложного? – удивилась я. – Ты же беременна. Он хоть в курсе? Он жениться на тебе собирается?

– Мы еще не решили, - отмахнулась Полинка. - Разве это важно? Можно быть замужем и не иметь детей, а можно родить для себя. Разве это кого-то напрягает в наше время?

– Правильно! - поддержала мама. - Чей бы бычок не скакал, а теленочек-то наш!

– Когда ребенок родится, – добавил отец. – Тогда и поговорим. Вас вырастили, и внука на ноги поставим.

– Да он не отказывается от ответственности, - раздраженно огрызнулась Полина. - Просто пока решаем, как и что. Давайте не сейчас, а? Сами разберемся!

– Ну и ладно, – сказала я. – Главное, чтобы ты была здорова.

– Буду, – Полина улыбнулась. Улыбка вышла немного напряженной.

Обед продолжился. Разговоры перешли на коляски, имена, размеры кроваток. Мама достала альбом, где были наши детские фото.

– Смотрите, какая Полька маленькая была красавица, – говорила она, тыкая пальцем в фотографию. – И внученька такая же будет.

– Ты погоди, может еще внук родится, - перебивал отец. - Мужик! Как наш Костик!

– Кстати, а Костик знает? - уточнила я.

– Костику я попозже скажу, - ответила Поля. - Он с утра мне написал поздравление, я ответила, но он еще не прочитал. Работает, наверное. Он же послезавтра приедет в гости. Вот лично и скажу. Ты же знаешь, что он в отпуске решил нас навестить?

– Да, я в курсе, - кивнула я. - Сказал, на недельку здесь, а потом обратно в Орловск.

– Ох, не сиделось ему в родном городе, - вздохнула мама. - Птенцы выросли и разлетелись, одна Полина нас не бросает.

– Мам, ну я-то тоже никуда не уезжала, - улыбнулась я. - Куда я от вас?

– У тебя своя семья, - еще горче вздохнула мама. - Свои заботы. Дом, работа. Отчеты. Хоть Полька молодец!

Она кивком указала на Полинкин живот, который пока еще был совершенно плоским.

Это было больно. Но я проглотила. Хорошие дочери не огрызаются. Хорошие дочери понимают, что родители хотят лучшего. Родители просто не знают, как это больно – слышать это каждый раз.

– Я пойду, – я встала. – Мне еще завтра на смену.

Это было не так. Впереди меня ждали три выходных дня, но мне нужна была веская причина, чтобы уйти прямо сейчас.

– Уже? – мама расстроилась. – Торт не поела.

– Не могу, мам. Завтра рано вставать.

– Ну ладно, – отец поднялся. – За рулем аккуратно. Вадиму передавай привет.

Я оделась в прихожей. Полина вышла проводить.

– Аля, – она остановила меня у двери. – Ты правда не обиделась?

– На что? – я повернулась. – Я же сказала, что рада.

– Просто родители… Они иногда не думают, что говорят.

– Я привыкла, – я улыбнулась. – Не переживай. Все будет хорошо. Береги себя, тебе нельзя нервничать. С днем рождения еще раз!

Я вышла в подъезд. Лифт опять не работал, но я не стала ждать. Спустилась быстро, стуча каблуками по ступеням. Нужно было вырваться из этого тепла, из этих разговоров.

На улице было темно. Фонари горели через один, отбрасывая длинные тени. Я подошла к машине, села за руль.

Несмотря на то, что была середина мая, внутри было холодно. Я включила печку, подставила ладони под поток воздуха. Руки дрожали.

Я сидела и смотрела на темное окно подъезда. Там, на втором этаже, горел свет. Там была жизнь. Продолжение рода. Внуки. Счастье.

А у меня что? Ипотека, работа, муж, который говорит, что я просто слишком напрягаюсь.

Город встретил меня огнями витрин. Люди шли по тротуарам, спешили домой. Кто-то тоже ехал к родителям. Кто-то тоже вез подарки. Кто-то тоже слушал новости о том, что у сестры все получилось.

Я включила радио. Там играли веселую песню про любовь. Я выключила. Тишина была лучше.

Дорога домой занимала минут двадцать. Я ехала автоматически, следя за светофорами. Мысли крутились вокруг одного.

Два года. Врачи говорят, что я здорова. Вадим говорит, что я напряжена. А Полина просто забеременела. Без врачей. Без графиков.

Значит, дело все-таки во мне?

Я свернула на свою улицу. Дом стоял темный, только в нашем окне на четвертом этаже горел свет. Вадим дома.

Я припарковалась и заглушила двигатель. Посидела минуту, собираясь с силами. Нужно было войти и быть нормальной. Не показывать, что мне больно.

Моя сестра беременна, и это отличная новость для всей семьи.

Я вышла из машины и поднялась в квартиру.

В прихожей было темно. Я включила свет.

– Вадим? – позвала я.

– На кухне, – донеслось в ответ.

Я прошла на кухню. Он сидел за столом, пил чай. Перед ним стоял ноутбук, экран светился. Он выглядел уставшим.

– Привет, – сказал он, не поднимая глаз. – Как все прошло?

– Нормально, – я сняла пальто, повесила рядом с его курткой. – Полина беременна, прикинь?

Вадим замер. Рука с чашкой остановилась на полпути. Он медленно поднял глаза.

– Я знаю.

Я вздернула брови. Откуда? Я сама об этом узнала только на торжестве. Об этом даже не знал наш родной брат Костя. Откуда мой муж знает, что моя сестра беременна?

– Об этом я и хотел с тобой поговорить, просто не знал, с чего начать. Думал, позже слова сами найдутся… Но раз уж ты в курсе…

В животе у меня похолодело. Праздничный ужин угрожающе зашевелился. Почему-то стало трудно дышать, хотя Вадим не сказал ничего ужасного. Но за секунду до того, как он это произнес, я уже все знала.

– Понимаешь, отец Полиного ребенка… Это я.

Он с облегчением выдохнул, словно сбросил со своей души огромный камень. А у меня подкосились ноги.

Я четко слышала каждое слово. Я совершенно отчетливо понимала значение этих слов. Но они совершенно не складывались в какой-то понятный образ.

Мой муж - отец ребенка моей сестры. Этого не могло быть. Это была идиотская, бредовая, нереальная мысль.

Так не бывает!

Я тихо опустилась на пол и закрыла лицо руками. Сил что-то сказать не было.

Глава 2. Списание безвозвратных потерь

Проснулась я от солнца. Оно било прямо в глаза сквозь неплотно закрытые шторы. На часах было девять утра. Выходной.

Голова болела так, словно вчера ею играли в боулинг.

Я не ругалась, не скандалила, не выясняла отношения. Я просто сидела, не в силах пошевелиться. Сидела, когда Вадим допил чай, поставил чашку в раковину, даже не соизволив помыть, и пошел в душ.

Сидела, когда он вышел из душа в одном полотенце и сказал:

– Я переночую на диване.

Сидела, когда он чем-то шуршал и гремел в комнате, готовясь ко сну.

И только когда его дыхание стало ровным и глубоким, я поднялась.

Внутри у меня все кипело.

Как он мог? Как он мог вот так спокойно спать?

Я не знала, что мне делать. Придушить его подушкой? Незаконно. Да и просто глупо. Позвонить Полине и наорать на нее? Еще глупее.

Никаких нормальных адекватных мыслей в голове не было, поэтому я просто пошла в душ и долго стояла под горячими струями воды, не заботясь о том, какой мне выставят счет за коммуналку. Мне хотелось смыть с себя всю эту грязь. Но я пока даже не понимала - какую.

От чего мне было больнее? От того, что мой муж мне изменил? Или от того, что это произошло с моей сестрой? Или от того, что ребенок, который у нас не получался несколько лет, у них получился вот так - сразу?

Или не сразу? Сколько они уже спят вместе за моей спиной?

Наконец, усталость дала о себе знать. Я вышла из душа, тщательно вытерлась жестким полотенцем, словно в попытке содрать с себя кожу, вышла и отправилась в спальню.

Утро вечера мудренее - завтра будет новый день, и что-то станет понятно.

И вот новый день наступил, а понятнее не стало.

За окном шумел майский ветер. Ветви тополя царапали стекло, почки уже лопнули, выпуская липкую зелень. Мир снаружи просыпался, цвел и пах мокрой землей. А внутри у меня было пусто. Словно кто-то выключил свет и забрал краски.

– Почему я? – спросила я себя.

Ответа не было. Да и так ли уж это было важно теперь? Какая разница, почему мне всадила нож в спину моя же собственная сестра? Почему муж, который клялся мне в любви и верности, оказался предателем?

Это все не так уж и важно.

А что важно?

Внутри разгоралось какое-то чувство - то ли боль, то ли злость. Мне хотелось кричать, плакать, что-нибудь разбить, но… Я не привыкла кричать. Мне было жалко ломать вещи - они ни в чем не виноваты. И даже заплакать не получалось - слез не было.

Я встала. Ноги твердо нашли пол. Я не стала искать тапочки. Прошла босиком на кухню. На столе стояла грязная чашка. На дне осталась гуща от кофе. Я взяла чашку, понюхала. Холодный запах горечи и предательства.

Родители вчера так радовались внуку… Интересно, они знали, от кого залетела их любимая Полиночка?

Нет. Не знали. Они не могли знать. Я цеплялась за эту мысль, как за соломинку. Они обычные люди, они любят внуков, они не монстры. Если бы знали, они вели бы себя по-другому.

Или знали, но им было все равно? Главное - у них будет внучек, любимая Полина счастлива, а я… А я все равно бесполезная рабочая лошадка. Не мать, не продолжатель рода.

Рода… Как будто мы какие-то графья! Как будто от того, что мы не продолжим род, мир потеряет что-то ценное.

Знали они или нет?

Я оделась. Джинсы, легкая куртка - сегодня пообещали потепление.

Я взглянула в зеркало. Лицо было бледным, но глаза сухие. Я не стала краситься. Много чести.

Дорога до дома родителей была знакомой и привычной.

Город просыпался и радовался новому дню. Витрины блестели, люди снимали куртки. Все жили обычной жизнью. Кто-то покупал цветы, кто-то вел детей в парк. Никто не знал, что моя жизнь вчера вечером раскололась пополам.

Дверь открыла Полина. Она была в домашних штанах и футболке, волосы собраны в пучок. Лицо свежее, выспавшееся, довольное жизнью.

– Аля? – удивилась она. – Ты чего так рано? Родители на работе.

– Я знаю, – я прошла в прихожую. – Мне нужна ты.

Полина замялась. Она почувствовала неладное. Я видела, как напряглись ее плечи.

– Что случилось? – спросила она.

– Пройдем на кухню, – сказала я.

Мы сели за стол. Здесь ничего не менялось годами. Стояла кофеварка, лежали фрукты. Обычное утро моего родного дома.

– Поля, это правда?

– Что - правда? - спросила Полина с вызовом.

Она поняла, о чем я. И по ее дерзкому движению подбородком я поняла, что не ошиблась. Но она решила играть в эту игру до конца. А у меня не было настроения подыгрывать.

– Как долго вы спите вместе?

Полина молчала. Тишина тянулась. Слышно было, как гудит холодильник. За окном пели птички.

Я смотрела в ее глаза и не понимала, что там вижу. Вину? Ее там точно не было. Страх? Тоже мимо. Стыд? Кажется, Полина даже не знала такого понятия.

Скорее это было какое-то раздражение. С таким обычно смотрят на муху, которую не получается прихлопнуть.

– Полгода, – наконец соизволила ответить она.

Я кивнула. Будто подтвердила диагноз. Полгода. Это не ошибка. Это не случайность. Это система.

– Тот Новый год на базе с баней, да? – уточнила я. - Вадим мне сказал, что уснул в предбаннике. Он был с тобой, да? Это тогда и началось?

Полина поджала губы и скрестила руки на груди.

– Да. Ты же вечно его пилишь, что надо то, надо это… Он задолбался подстраиваться под твое настроение.

– И решил, что лучше подстраиваться под твое? - хмыкнула я. - Чудесно. Очень по-мужски.

– Он был расстроен, - попробовала защитить его Поля.

– Чем? Тем, что я ему бухать запретила?

– Аль, это был Новый год, - презрительно сморщилась сестра. - Может мужик расслабиться хотя бы в праздник?

– Действительно, чего это я? - усмехнулась я. - Ладно, допустим, он расслабился. А дальше? Дальше я тоже его расстраивала, а ты утешала?

– Так вышло, - пожала плечами Поля.

– Так вышло, – повторила я. – Ты спала с моим мужем полгода. А я спрашивала, как твои дела. Я называла тебя сестрой.

Полина посмотрела в окно, потом снова посмотрела мне в глаза.

– Можно подумать, я его насиловала. Он сам этого хотел. Он мужчина, я женщина. А ты? Посмотри, кем ты стала! Чучелом!

– Я в свое время стала женой, – поправила я. – А ты стала любовницей.

– Я беременна, – Полина положила руку на живот. – Я даю жизнь. А ты что даешь? Отчеты?

У меня внутри что-то щелкнуло. Будто лопнула струна, которая держала меня в рамках приличия. Я хотела быть хорошей девочкой. Но даже хорошая девочка сейчас задушила бы ее этими голыми руками.

– Ты думаешь, это оправдание? – я наклонилась к ней. – Ты думаешь, потому что ты беременна, ты лучше меня?

– Я люблю его, – сказала Полина. – А он меня.

– Он сволочь и предатель, – сказала я. – А ты используешь ребенка как великое достижение. Ты даже не знаешь, нужен ли ему этот ребенок!

– Не смей так говорить! – взвизгнула Полина. – Любой мужчина хочет наследника! Ты не можешь иметь детей. Это факт. А я могу. Природа сама решила.

– Природа? – я рассмеялась. Звук вышел жестким. – Ты называешь предательство природой? Ты носишь его наследника? Поля, он не королевских кровей. Чего наследовать-то? Половину квартиры, за которую мы еще не выплатили ипотеку? Подержанную машину? Поношенные портки? Очнись!

– Ты просто мне завидуешь, - отрезала Полина.

Я чуть не подавилась воздухом. Завидую? Я прислушалась к себе.

Вчера. Это было вчера. Вчера я немного завидовала. Даже думала о том, что жизнь несправедлива ко мне.

Вчера мне было невыносимо больно от предательства.

И даже сегодня утром казалось, что мне больно. Но теперь… Боли не было. Была злость. Острая, резкая, как бритва.

– Да вы же конченные, - выплюнула я. - Кому завидовать? Дуре, залетевшей от женатика? Женатику, который не может удержать хозяйство в штанах? Кому, Поль? Ты считаешь весь этот треш предметом для зависти?

– Я считаю это счастьем, – Полина уперла руки в бока. – И родители будут рады. Им все равно, от кого. Главное, что у нас будет ребенок.

– О да! - зло расхохоталась я. - И к новому зятю привыкать не придется! Чертовски удобно! А почему они еще не знают? Ты стесняешься своего счастья?

– Нет, – Полина отвела взгляд. – Мы просто хотели сказать позже. Ну, когда вопрос с его статусом решится.

– Вопрос с его статусом, - эхом повторила я. - Ты понимаешь, что ты говоришь не о какой-то посторонней женщине? Ты говоришь обо мне - о своей старшей сестре. Я - не вопрос с его статусом. Я - живой человек. Твой, вроде как, родной человек. Ладно, я вижу, что гормоны уже отключили тебе мозги, а может, их никогда и не было. В любом случае, ты расскажешь им сегодня.

– Что? – испугалась Полина. – Зачем?

– Затем, что я не буду врать, – я подошла к ней вплотную. – Если ты не скажешь, скажу я. Но тогда я не буду выбирать выражения.

– Ты не посмеешь, – прошептала Полина. – Мама не переживет.

– Она все равно узнает, – сказала я. – Ты же сама сказала, что они будут рады. Вот и посмотрим.

Я встала и быстрым шагом направилась в прихожую. Полина осталась сидеть на кухне.

Внизу было солнце. Майское, яркое, беспощадное. Оно освещало лужи, грязь у подъезда, старые скамейки.

Я села в машину. Руки лежали на руле. Я смотрела на свои пальцы. Они были белыми от напряжения. Злость, ярость, ненависть.

Наверное, это лучше, чем жалость к себе, боль и отчаяние. Наверное, лучше. Я хотя бы не плачу. Я хотя бы не сижу на полу без сил.

Что ж, теперь самое главное - не думать о том, почему и за что. Теперь важно понять, что делать со всем этим. Так или иначе, это уже не вопрос, который мы должны решать с Вадимом за закрытыми дверями своей семьи. Это вопрос, который касается всех моих близких.

Родители всю жизнь на Полечку молились. Самая красивая, самая умная, самая лучшая Полечка! Пусть теперь они узнают, какая дрянь их любимая Полечка. Пусть увидят, в кого она превратилась. Пусть поймут, что ошибались, и гордиться некем. Не ту фигуру на пьедестал возвели!

В зеркале заднего вида я увидела свое отражение. Глаза были темными. Жесткими.

«Хорошая девочка умерла», – подумала я.

И мне не было жалко.

Я выжала газ. Машина рванула вперед, оставляя за собой клубы пыли. Впереди была дорога. И я больше не боялась свернуть не туда.

Глава 3. Конфликт интересов

Я сидела в машине и не могла понять, что трясется больше - двигатель машины или мои внутренности. В окнах родительской квартиры горел свет. Они наверняка уже дома.

Надеюсь, Полина сообщила им правду.

Майское солнце уже село, но воздух ещё держал тепло. Я опустила стекло. Пахло пылью, прогретым асфальтом и цветущей сиренью. Где-то рядом лаяла собака. Обычный вечер обычного дня. Только у меня внутри всё переворачивалось.

Я надеялась. Глупо, наивно, но надеялась. Они же мои родители. У них же есть совесть. Они понимают, что меня предали дважды - муж и сестра. Они на моей стороне. Правда на моей стороне.

Я подняла стекло, заглушила мотор и вышла из машины. Подъезд встретил меня запахом кошачьей мочи и старой краски. Лифт не работал, опять. Я поднялась пешком, стуча каблуками. Второй этаж. Дверь.

Я позвонила. Долго не открывали. Наконец, замок щелкнул.

На пороге стояла мама. Лицо усталое, но спокойное. Видимо, основной этап разговора уже был позади. Что ж, так даже проще.

– Альбина, – сказала она тихо. – Проходи.

– Полина рассказала? – спросила я, переступая порог.

– Рассказала, – мама отвела взгляд. – Проходи на кухню.

Отец сидел за столом. Перед ним стояла рюмка и закуска. Он не смотрел на меня. Полина сидела в углу, на стуле. Она выглядела виноватой только внешне. В глазах читалось ожидание.

– Ну что, – сказала я. Голос звучал громко, резко. – Что дальше делать будем?

– Аля, тише, – мама замахала руками. – Соседи услышат.

– Мне плевать на соседей, – я уперлась руками в стол. – Мне важно, что вы скажете. Вы знали?

– Мы ничего не знали, – отец наконец поднял глаза. – Полина сказала только сегодня.

– И что вы решили? – я смотрела на них по очереди. – Это нормально? Спать с мужем сестры? Рожать от него? Врать в глаза?

– Аля, ну что ты, как маленькая? – мама вздохнула. – Случилось то, что случилось. Прошлого не вернешь.

– Прошлого не вернешь, – повторила я. – А мужа вернешь? Мою жизнь вернешь?

– Не кричи, – отец нахмурился. – Мы всё обсудили. Будем рожать.

– Вы обсудили без меня, – я рассмеялась. – И решили рожать! Молодцы! А я? Что я должна делать? Улыбаться и нянчить племянника от своего мужа?

– Ты должна быть мудрее, – сказала мама. - Вадим… ну, ошибся мужчина. Бывает.

– Бывает? – я почувствовала, как кровь приливает к лицу. – Ошибся? Сестер перепутал? Ошибся, это когда хотел помыть голову и случайно схватился за гель для душа. Ошибся, это когда вместо овощной пиццы заказал мясную, потому что пальцем не туда нажал. А это… Это не ошибка, мам. Это полгода лжи. Это предательство.

– Не вешай ярлыки, – отец стукнул ладонью по столу. – Вадим готов нести ответственность.

– Какую ответственность? – я повысила голос. – Он не просто какой-то левый мужик, у которого есть какая-то абстрактная семья, а теперь вот еще и Полина с ребенком! Он - мой законный муж!

– Разберетесь, – отец махнул рукой. – Главное, внук будет.

– Мне плевать на внука! – я крикнула. – Мне больно! Вы понимаете это? Мне больно!

– Вот именно, – мама покачала головой. – Ты думаешь только о себе. Ты всегда думаешь только о себе. А как же Полина? Она беременная. Ей нельзя нервничать. Ты же старшая сестра. Ты должна понять. Должна поддержать.

– Поддержать? – я не верила своим ушам. – Я должна поддержать её? После того, что она сделала?

– Не будь эгоисткой, Альбина, – мама говорила тихо, но каждое слово било, как пощечина. – Семья должна держаться вместе. Мы сейчас не ругаться должны, а объединиться.

Я не могла поверить своим ушам. Все это звучало так буднично, так обычно, словно речь шла не о том, что моя семья разрушена, а о чем-то совершенно не имеющем отношения к моим проблемам.

– Объединиться? Может, нам еще и съехаться? Отличный вариант - Полиночка будет заниматься ребенком, я - ходить на работу, а Вадим… Вадим будет нести ответственность! Он же на это согласился! Вот только семь лет назад он сказал, что будет нести ответственность за нашу семью - мою с ним, если вы забыли. И вот, как он справился.

– Ну что теперь? Стреляться? - всплеснула мама руками. - Что ты драматизируешь? Надо быть выше этого. Надо уметь прощать. А ты только себе хуже делаешь - упиваешься своей обидой…

– Это не обида, – я сжала кулаки. – Это грязь. Вы предлагаете мне жить в грязи и улыбаться?

– Мы предлагаем тебе не быть дурой, – отец встал. – Вадим нормальный мужик. Оступился. А кто без греха? А ты могла бы быть мудрее и поддержать сестру, ей сейчас и так тяжело.

– Мне тоже тяжело! – я чувствовала, как слезы подступают к горлу, но я сдерживала их. Злость была сильнее. – Я семь лет замужем! Я хотела ребенка! Я лечилась! А Полинка залетела от моего мужа! И я должна ее поддержать? Вы себя вообще слышите?

– Аля, не ори, - отрезала мама. - Не работай на публику! Ты хочешь, чтобы все соседи были в курсе?

– Да, хочу! - окончательно разозлилась я. - А вы хотите скрывать? Ну, извините, я не собираюсь потакать вам.

– Хватит, – отец отвернулся. – Надоели мне эти ваши бабские разборки.

Он встал, взял пульт от телевизора и вышел из кухни. Через секунду из гостиной донесся звук новостей.

Я смотрела на маму. Она сидела, сложив руки на коленях. Она не защитила меня. Она не сказала отцу, чтобы он остался. Она позволила ему уйти, потому что согласна с ним.

– Мама, ты правда считаешь, что ничего страшного не происходит прямо сейчас - вот тут, на этой самой кухне? - обреченно спросила я.

– Аля, ну что ты хочешь? – вздохнула мама. – Жизнь сложная. Иногда приходится терпеть. Ради детей.

– У меня нет детей, – напомнила я. – Потому что не получилось. А у неё получилось. От моего мужа. И вы говорите – терпи?

– Бог даст, и у тебя будут, – мама избегала моего взгляда. – А пока… помоги сестре. Не будь злой. Злоба разрушает душу.

Я смотрела на нее и понимала: передо мной чужой человек. Женщина, которая родила меня, выкормила, но которая никогда не любила. Я просто удобная дочь. Та, которая может потерпеть.

– Я не буду помогать, – сказала я. – И терпеть не буду.

– Аль, вы же родная кровь, вы сестры!

– Да какая она мне сестра после этого? - ошалела я. - Мама, ты в своем уме? Ты что несешь?

– Ты как с матерью разговариваешь? - вклинилась, наконец, Полинка. - Может, если бы ты не была такой стервой, то сама бы забеременела, и муж никуда не ушел!

Это было жестоко. Я задохнулась от гнева.

– То есть, это я еще и виновата? Ты раздвинула ноги перед моим мужем, а виновата я?

– Аля, не надо этих громких слов, - устало вздохнула мама. - Девочка влюбилась, оступилась… Вадим - мужчина видный, обаятельный. Ты сама в свое время влюбилась в него. Должна понять!

– А кто поймет меня? - тихо произнесла я. - Даже ты меня не понимаешь. Ты защищаешь эту шлюху!

– Не смей так говорить про мою дочь!

– Я тоже твоя дочь! - закричала я.

– Ты взрослая, – отрезала мама. – А она нет.

Я развернулась. Ноги стали ватными. Я шла по коридору, и мне казалось, что пол уходит из-под ног. В прихожей я натянула ботинки. Руки не слушались, я не могла попасть ногой в голенище.

– Аля, подожди, – вышла следом мама. – Ты куда?

– Подальше от вас, – сказала я.

– Ты не права, – она сказала это искренне. – Семья важнее гордости.

– У меня больше нет семьи, – я открыла дверь. – И я даже не знаю, а была ли она когда-то.

Я вышла. Лестничная клетка встретила меня тишиной. Я спустилась быстро, почти бегом. Нужно было уйти. Убежать.

На улице было темно. Фонари горели желтым светом. Мотыльки бились о стекло. Я села в машину. Закрыла двери. Заперла замки.

И тут меня накрыло.

Я уткнулась лицом в руль. Плечи затряслись. Сначала тихо, потом громче. Я рыдала. Не красиво, не как в кино. Я захлебывалась воздухом, всхлипывала, вытирала нос рукавом. Слез было столько, что они текли по подбородку, капали на джинсы.

Мне было не жалко Вадима. Мне было не жалко семьи. Мне было жалко себя. Ту девочку, которая верила, что родители любят ее. Ту женщину, которая думала, что она нужна.

Я не знала, сколько я проплакала. Наверное долго. Время словно остановилось, перестало существовать. Были только я и боль. И я не знала, чего больше. И я не знала, кто из нас сильнее.

Потом слезы кончились. Они не могли литься вечно.

Я поискала в бардачке салфетки. Вытерла лицо. Посмотрела в зеркало. Зрелище было не для слабонервных. Глаза красные, нос опухший. Но взгляд… взгляд стал другим.

Там не было надежды. Надежда умерла на кухне, когда отец включил телевизор.

Я завела двигатель. Машина заурчала. Фары выхватили из темноты дорогу.

Куда ехать? К подругам? Нет. У них свои семьи. В отель? Денег жалко.

Домой. Больше некуда.

Это было унизительно. Но это была моя квартира, моя крепость. Жаль, что эту крепость развалили изнутри.

Город спал. Витрины были погашены. Только светофоры моргали зеленым.

Я ехала и чувствовала холод, несмотря на тепло в салоне.

Родители выбрали Полину. Потому что она слабая. Потому что она мать. Потому что так проще.

А я сильная. Я справлюсь. Я старшая, я мудрая. Да, конечно. Именно так.

В их понимании, я не должна злиться и обижаться. Я должна порадоваться за сестру - какая она умничка, залетела от моего мужа! Я не смогла, а она смогла!

Я сжала руль. Костяшки побелели.

– Справлюсь, – сказала я вслух.

Голос прозвучал хрипло, но твердо.

Впереди был мой дом. Там жил враг. Но там были мои вещи. Моя жизнь. Пока что.

Вадим сидел на кухне перед ноутбуком. Судя по тому, что он ничего не делал, а просто пялился в экран, он смотрел кино.

– Привет! - сказал он, когда я разулась и прошла.

Я ничего не ответила и шагнула в ванную. Зачем здороваться с человеком, который меня предал? Зачем с ним объясняться? Он сделал свой выбор.

Он не просто ошибся. Он выбрал Полину. Он выбирал ее полгода - за моей спиной. Он сделал ей ребенка.

А теперь он сидит на нашей кухне, смотрит кино, как ни в чем не бывало, и даже здоровается. Как будто ничего не случилось. Как будто он тоже уверен, что я пойму.

Я же старшая сестра. Я всю жизнь была старшей сестрой.

– Ты должна делиться, Полиночка же маленькая, - говорили мне и отбирали куклу.

Сейчас у меня примерно с такими же словами отбирали мужа. Как будто он просто кукла.

С куклами не здороваются. С ними играют, пока они красивые, новые и интересные. А потом… их выбрасывают. Или меняют на новые игрушки.

Глава 4. Реструктуризация жизни

Проснулась я от запаха кофе. Такого привычного по выходным, уютного, домашнего. Стабильного. Утро Вадима всегда начиналось с кофе. Он говорил, что если с утра не выпьет чашечку, то день пройдет зря. Я к кофе была не столь привязана. Может, поэтому у меня прошли зря целых семь лет жизни? Если бы я пила кофе каждый день, то все было бы не зря?

Я постаралась выкинуть из головы эти невеселые мысли.

На часах было восемь утра. Суббота. Выходной. Но Вадим уже был на ногах - у него график ненормированный. А может, собирался к Полине. Теперь я уже и не знала, что думать. Правда ли он так был загружен на работе, или врал мне, а сам проводил время с ней?

Я села. Голова болела тупо, монотонно. После вчерашних слез всегда остается ощущение, что внутри выжгли все дотла. Словно кто-то прошелся паяльником по нервным окончаниям, оставив после себя гладкую, мертвую ткань.

Я встала, накинула халат. Ткань была приятной на ощупь, шелковистой. Я покупала его год назад, в день нашей годовщины. Тогда мне казалось, что это знак любви. Теперь это просто кусок ткани, который греет тело, но не душу.

Вадим стоял у стола. Он уже оделся на работу: рубашка, брюки. В руке держал кружку. На столе лежали ключи от машины. Он выглядел собранным, готовым к новому дню. Будто все было, как раньше. Будто он не спал с моей сестрой. Будто не предлагал мне стать третьей лишней в собственной жизни.

Он повернулся, когда я вошла. Взгляд скользнул по мне, не задерживаясь. Как на предмете мебели, который стоит не на своем месте.

– Доброе утро, – сказал он спокойно.

Я не ответила. Подошла к холодильнику. Мне нужна была вода. Любая. Холодная, чтобы смыть ком в горле.

– Ты чего такая заспанная? – спросил он. – Вроде, рано легла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.